

Прокофьевская коллекция Музея Большого театра. Письма П.П. Сувчинскому, Б.В. Асафьеву и С.А. Самосуду

В Музее Большого театра хранится любопытное собрание писем и открыток С.С. Прокофьева, освещающее некоторые страницы его жизни и творчества. Как известно, главное отечественное хранилище документального наследия Прокофьева — нотных манускриптов, писем, записных книжек — находится в РГАЛИ, еще одна внушительная часть — во ВМОМК имени М.И. Глинки, поэтому небольшой, но весьма репрезентативный архивный фонд в Большом театре (32 единицы хранения, включая три открытки, написанные рукой первой жены композитора — Лины Прокофьевой) не привлекал особого внимания исследователей. И зря, поскольку там, в частности, находятся самые первые письма Прокофьева П.П. Сувчинскому (датированные 1918 годом), а также любопытные материалы, связанные с Б.В. Асафьевым и С.А. Самосудом¹.

* * *

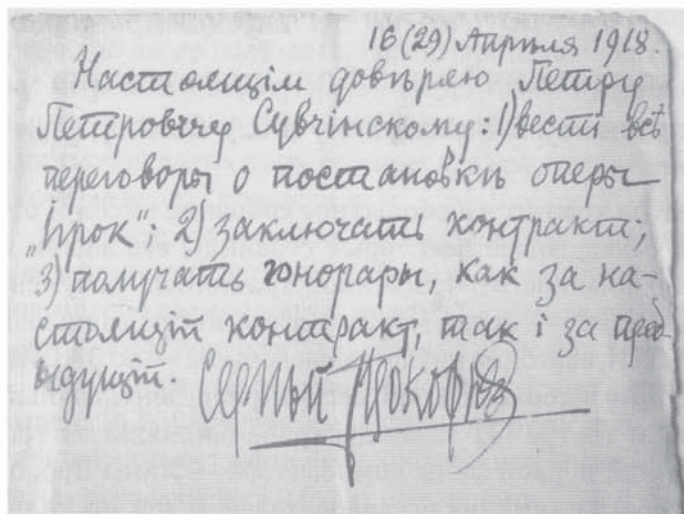
Известно, что впервые имя Сувчинского (1892–1985) — музыкально-го критика (одного из организаторов журнала «Музыкальный современник» и одноименного цикла камерных концертов в Петербурге и Москве), публициста, позднее теоретика политического движения евразийства — начинает мелькать на страницах прокофьевского Дневника в 1914 году. «У меня новый горячий поклонник: Сувчинский. Ведь когда-то ругал, а теперь не нахвалится. Очень милый господин»². Сувчинский быстро вошел в число близких друзей-музыкантов Прокофьева, имевших на него прямое творческое влияние. Письма, которые хранятся в Музее Большого театра, относятся к драматическому периоду в биографии композитора, когда весной 1918 года он спешно покидал Россию, спасаясь от хаоса революции. В то же время решался вопрос с постановкой прокофьевской оперы «Игрок», которую то вот-вот должны были начать репетировать на сцене Мариинского театра, то опять откладывали из-за государственных неурядиц³.

Еще 11 мая 1916 года Дирекция Императорских театров заключила с Прокофьевым контракт на постановку этой оперы, и теперь, уезжая, Прокофьев требовал перезаключения договора в связи с невыполнением

¹ См об этом: Кривицкая Е.Д. Эпистолярный Прокофьев // МЖ. 2009. № 10. — С. 10–12.

² Прокофьев. Дневник. 2002. Ч. 1. С. 532. Запись от 2 декабря 1914 года.

³ Судьба сложилась так, что мировая премьера «Игрока» осуществилась в Брюсселе, в 1929 году. В России опера прозвучала лишь в 1963-м.

условий прежнего. Вести дела по «Игроку» он поручил Сувчинскому, что подтверждают и записи в Дневнике: «Эти мерзавцы — контора театров — не может заключить контракта раньше, чем через три недели; нужны прохождения через всякие инстанции и вообще канитель. Предлагают дать кому-нибудь доверенность на заключение контракта <...> Решено, что контракт по доверенности заключит Сувчинский. Но все же я еду без шести тысяч»⁴.

И вот на листочке автограф Прокофьева:

16 (29) Апрель 1918

«Настоящим доверяю Петру Петровичу Сувчинскому: 1) вести все переговоры о постановке оперы «Игрок»; 2) заключать контракт; 3) получать гонорары, как за настоящий контракт, так и за предыдущий.

Сергей Прокофьев»⁵.

Уже с дороги, путешествуя в Сибирском экспрессе, Прокофьев шлет инструкции Сувчинскому. Хотя в Музее Большого театра нижеследующий документ обозначен как письмо к неизвестному лицу (оно написано на бланке «St. Peterburg, den», без указания адресата), но из контекста ясно, что предназначалось оно именно Петру Петровичу.

1/1918

«Директивы секретного характера по случаю постановки Игрока

С учреждением, не выполнившим предыдущего контракта или не уплатившим неустойки, заключать новый контракт неразумно, поэтому сначала надо

⁴ Там же. С. 698. Запись от 15 (28) апреля 1918 года.

⁵ Музей Большого театра. Р - 2339.

выяснить судьбу предыдущего контракта. Мар.[иинский] Т.[еатр] гарантировал 10 спектаклей, по 10% с каждого сбора. Требовать 6000, но Мар[иинский]. Т[еатр]. может доказать, что эта сумма меньше⁶). В крайнем случае уступить. NB из этих денег 2500 уже получено авансно.

При заключении нового контракта, требовать гарантию (на сезон 1918/1919) десяти спектаклей.

Условия, как и раньше, 10% с валового сбора или, если театр на это не согласен, то поспектакльная оплата не менее 600 р. за спектакль. Просить аванс в размере половины (в крайнем случае 1/3) нового контракта.

На случай получения денег, передать Борису Борисовичу Гершун⁶ 2000 р. для отвоза их М.Г. Прокофьевой⁷. Если М.Г. вернется в Петр.[оград] и ей нужны будут деньги, предоставить ей остальные.

Просьба уплатить из полученных денег за квартиру** с 15 (28) мая по 15 (28) августа по 131 р. 70 к. в мес = 395 р.10 к.

Телеграфировать М.Г. Прокофьевой (Ессентуки, Суворовская, 36) по заключению контракта, и буде милостив, написать ей два слова.

*) Напр.[имер] предлагать не полный сбор и сумму, соответствующую среднему сбору за весь год.

***) Знаменская, 32. кв. 11.

Тысячу благодарностей и извинений заключают настоящие, секретные директивы.

С. Прокофьев⁸.

Продвигаясь поездом на Дальний Восток, Прокофьев пишет друзьям открытки, в том числе Сувчинскому:

16 мая 1918

«Дорогой Петр Петрович, подъезжаю к Чите и держу путь на Владивосток. Удобство и порядок полный, хотя недавно, но эти места едва не захватил есаул, но теперь его отогнали, и путь через Сретенск свободен. Настроение идеальное, утомления нет, изучение испанского идет прекрасно. Обнимаю Вас, сердечный привет Н.Я. [Мясковскому], Б.Вл.[Асафьеву], А.Н. [Бенуа].

Ваш С.П.»⁹.

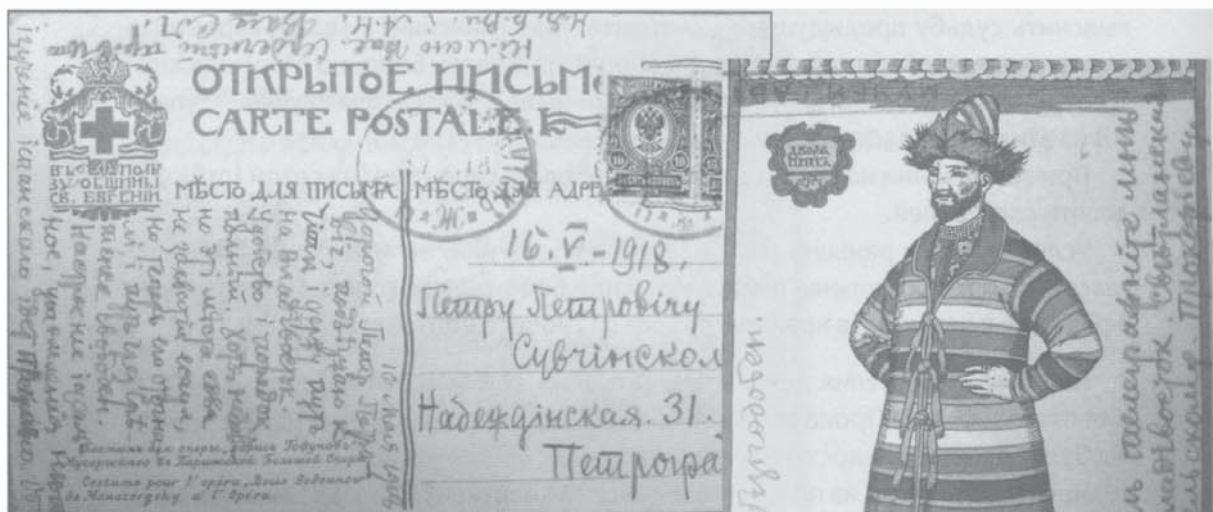
Выбор самой открытки символичен и заслуживает отдельного описания. На лицевой стороне — эскиз костюма для оперы «Борис Годунов»

⁶ Гершун Борис Борисович (1898–1969) — поэт.

⁷ Напомним: Прокофьева Мария Григорьевна (1855–1924) — мать С.С. Прокофьева.

⁸ Музей Большого театра. Р – 2340. Автограф.

⁹ Музей Большого театра. Р – 2341. Автограф. Датировка и адресат определены по адресу на открытке.

Мусоргского в Парижской Большой опере. И приписки, сделанные рукой Прокофьева. Сверху: «Байкал неподобен».

Снизу: «Об Игроке телеграфируйте мне так: Владивосток, Светланская, 57. Дукельскому, Прокофьеву». На обороте открытки — эмблема общества Св. Евгении и надпись, что «открытка выпущена в пользу Общества Св. Евгении».

***

Прокофьев питал пристрастие к таким художественным открыткам (он называл их на французский манер «постальками», от *фр.* cartes postales — почтовые открытки), изображение на которых как бы дополняло написанное на них послание. В Музее Большого театра хранится целая серия подобных открыток, связанных с совместным пребыванием четы Прокофьевых, Б.В. Асафьева и П.А. Ламма во Французских Альпах и в Швейцарии в сентябре 1928 года.

На одной «постальке», адресованной жене Асафьева, Ирине Степановне, оставили автографы все участники незабываемой поездки:

Лугано, 29 сентября 1928 года

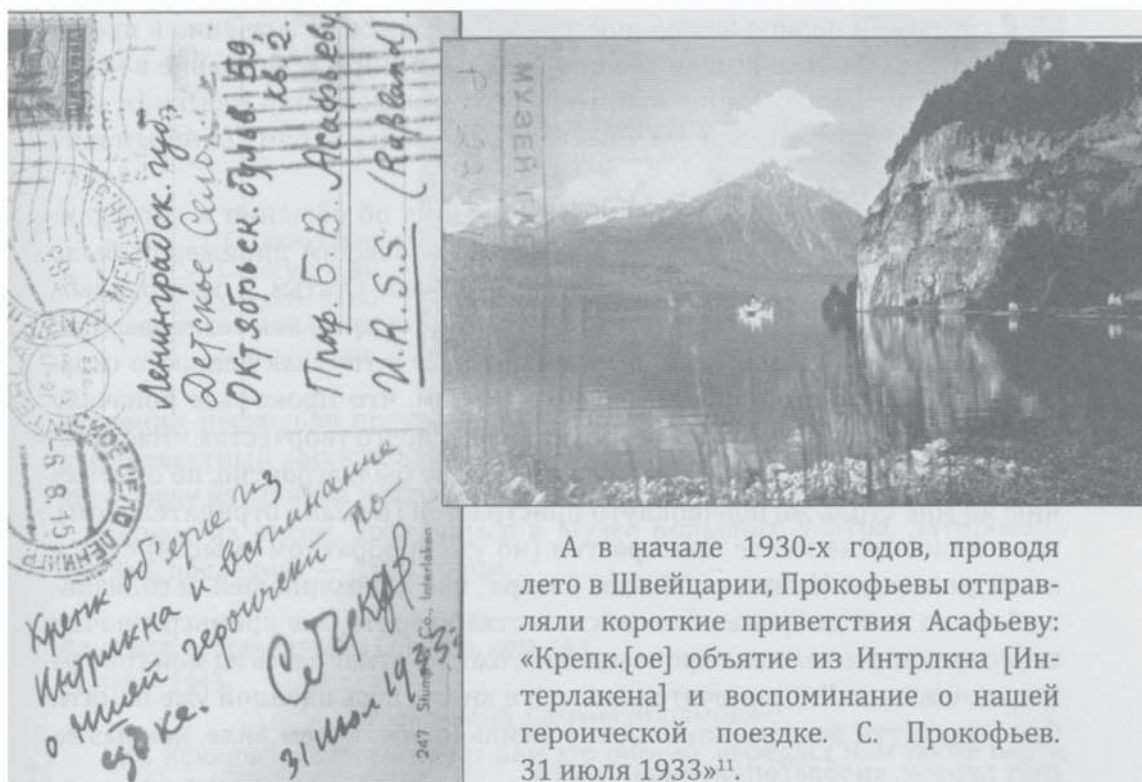
«После туманных суровостей Сан-Готарда — мягкие ласковости итальянских озер, и такой же привет. С.[ергей] П.[рокофьев].

Присоединяюсь Л.[ина] П.[рокофьева].

Утром бродили с Бор.[исом] Влад.[имировичем] [Асафьевым] по тем местам, где вы живали — масса переживаний. Об этом расскажу при свидании. П. Ламм.

Дорогая Ируша! Совсем неожиданно оказался в Лугано, конечно, благодаря Сереже. Очень счастлив. Вспомнил много хорошего и дорогого. Целую тебя и Зою и Лешу. Здесь совсем Юг. Еще цветут олеандры. Твой Б. Асафьев»¹⁰.

А в начале 1930-х годов, проводя лето в Швейцарии, Прокофьевы отправляли короткие приветствия Асафьеву: «Крепк.[ое] объятие из Интрлкна [Интерлакена] и воспоминание о нашей героической поездке. С. Прокофьев. 31 июля 1933»¹¹.

***

Документальная коллекция Музея Большого театра содержит также материалы, посвященные общению Прокофьева с С.А. Самосудом.

Как известно, в жизни Прокофьева было несколько дирижеров, сыгравших важную роль в пропаганде его творчества. Это консерваторский учитель по классу дирижирования Н.Н. Черепнин, выведенный Прокофьевым с немалой долей критики на страницах Дневника, однако позднее в Автобиографии реабилитированный. Черепнин, без сомнения, заложил основы дирижерской техники Прокофьева и привил ему определенные понятия о принципах оркестровки.

Другой важнейшей фигурой был С.А. Кусевицкий — контрабасист, дирижер, музыкальный издатель, поддерживавший Прокофьева с первых

¹⁰ Музей Большого театра. Р - 2345. Автограф. Зоя Степановна — сестра Ирины Степановны. Леша — неустановленное лицо.

¹¹ Музей Большого театра. Р - 2344. Автограф.

его профессиональных шагов и сыгравший ряд его премьер. Подготовленная В.А. Юзефовичем книга переписки Прокофьева и Кусевицкого дает исчерпывающее представление об их взаимоотношениях — творческих и человеческих¹².

В советский период жизни композитора решающее значение в пропаганде его крупных сочинений — опер «Война и мир», «Обручение в монастыре», «Оды на окончание войны», кантаты «Александр Невский», оратории «На страже мира», Седьмой симфонии — играл Самуил Абрамович Самосуд.

Существуют его собственные воспоминания об общении и сотрудничестве с Прокофьевым. Первое уже сильно болевшим дирижером было надиктовано для сборника «Сергей Прокофьев. Статьи и материалы», выпущенного в 1962 году к 10-летию со дня смерти композитора. Там, в частности, мы находим откровенный рассказ о том, как непросто складывалось знакомство двух музыкантов, о том, что Прокофьев поначалу (до 1942 года) считал Самосуда противником своего творчества. «Насколько я вправе судить, Сергей Сергеевич в ту пору был, вероятно, по отношению ко мне столь же подчеркнута пристрастен (в плане отрицательном), как по-своему не менее пристрастен (но уже в обратном смысле) стал в последние годы. Начиная с «Войны и мира», нас «примирившей» и сблизившей, он со всей доброжелательностью стал вверять мне премьеры почти всех своих значительных произведений, охотно откликаясь на мои советы и предложения»¹³. Примечательно, что в книге, посвященной уже памяти Самосуда¹⁴, эти воспоминания даны в сильно урезанном виде, как раз за счет первой, «неблагополучной» части.

«Война и мир» не только сблизила Прокофьева и Самосуда. Без дирижера опера вряд ли имела бы нынешнюю драматургию: он принимал активную роль в доработке оперы после обсуждения в мае 1942 года в Комитете по делам искусств. В разговорах Самосуда и Прокофьева рождались многие важные идеи, в частности, трактовка образа Кутузова. Впрочем, сам Самосуд в своих воспоминаниях стремился всячески ретушировать свою роль в процессе кристаллизации окончательной редакции оперы. «Едва ли самым значительным из тех нововведений, которые мы договаривались сделать в первой части оперы, явилась новая, ставшая второй, картина — «Бал у екатерининского вельможи». Почему и как была сочинена эта картина, писалось много. Мне только кажется, что моя роль в этом ново-

¹² Сергей Прокофьев. Сергей Кусевицкий. Переписка. 1910–1953 / подг. публ. и текст комм. В. Юзефович. — М.: Дека—ВС, 2011. — 533 с.

¹³ Сергей Прокофьев. 1953–1963. Ст. и матер. / сост. И.В. Нестьев, Г.Я. Эдельман. — М., 1962. — С. 110.

¹⁴ Самосуд С.А. Статьи, воспоминания, письма / сост. О.Л. Данскер. — М., 1984. — С. 50–51.

*С.С. Прокофьев
и С.А. Самосуд. БЗК.
1945 год. После репетиции
концертного исполнения
«Войны и мира»*

введении несколько преувеличивается...»¹⁵ Далее в воспоминаниях следует известный рассказ, как Самосуд обратил внимание на соответствующую главу из «Войны и мира» и т. д.

Первое из писем, хранящихся в Музее Большого театра, датировано 1943-м, последнее — 1952 годом.

Алма Ата, гостиница Дом Советов, ком. 143
14 марта 1943

«Уважаемый Самуил Абрамович,

Н.Н. Крюков¹⁶, который везет Вам это письмо, передаст Вам также партитуру первого акта «Войны и мира» и клавир одиннадцатой картины. Начало картины я, еще будучи в Москве, отдал Атовмяну¹⁷, здесь же ее окончание (стр. 27–82). Партитура первого акта была тщательно мною прокорректирована, и потому надеюсь, что в ней едва ли осталось много ошибок. Это мой собственный экземпляр, с которого прошу Вас распорядиться снять копию для Большого Театра, после чего возвратить мне. Попросите также переписчиков, чтобы они не пачкали его разными пометками. Ввиду того, что транспонирующие инструменты в моей партитуре написаны in C, мною прикреплен к первой странице объяснительный лист, как надо транспонировать их при переписывании партий. Кстати, вы интересовались, кому лучше поручить корректуру

¹⁵ Там же. С. 131–132.

¹⁶ Крюков Николай Николаевич (1908–1961) — композитор, муз. руководитель «Мосфильма» (с 1931-го), в председатель правления Музфонда СССР (1948–1953).

¹⁷ Напомним: Атовмян Левон Тадевосович (1901–1973) — композитор, заместитель председателя правления и директор Музфонда СССР (1939–1948), директор и худ. рук. симф. оркестра Государственного Комитета СССР по кинематографии (1953–1963).

партий. Я считаю, что лучше всего дать Карпову Борису Владимировичу — это замечательный корректор, к тому же не раз имевший дело с моими сочинениями, когда он работал в Музгизе. Сейчас его кажется можно найти в МХАТ'е, где он кажется играет в оркестре.

Меня очень удивляет, что Шлифштейн¹⁸ до сих пор не прислал мне клавира “Обручения в монастыре”. Он обещал дать его перед моим отъездом из Москвы, затем обещал прислать в Алма Ата, но вот прошло полтора месяца, а клавира нет. Это грозит задержать мою работу над “Обручением”, которой я имел в виду немедленно заняться. 8-го Февраля я Вам телеграфировал, прося позаботиться, чтобы клавир этот был мне прислан, и сейчас вторично прошу Вас об этом. Клавир “Обручения” имеется в Театре Станиславского и в Радиокомитете. Переслать можно либо с оказией, либо просто по почте: я не раз посылал мои рукописи заказной бандеролью, и они доходили исправно.

Сколько картин “Войны и мира” сдал Вам Атовмян и приступил ли театр к разучиванию?

Шлю Вам наилучшие пожелания,
Ваш СПРКФ

Как было условлено, за доставку партитуры я обещал Крюкову от Вашего имени билеты в Филиал^{19, 20}.

Письмо чрезвычайно информативное, уточняющее ход событий во многих направлениях творческих интересов композитора. В частности, интересно упоминание «Обручения в монастыре», и слова о том, что Прокофьев хотел заняться оперой. Считается, что партитура была окончена в 1940 году и что труппа Театра Станиславского приступила к ее разучиванию, и в мае — июне 1941 года прошли закрытые репетиции. Однако по невыясненным причинам премьера так и не состоялась, и опера увидела свет в 1949 году, в Ленинграде, в Театре имени С. Кирова. Как мы видим, в дни войны композитор вносил коррективы в это сочинение, вероятно, продолжая еще диалог с Театром Станиславского.

Судя по изучению сводного каталога отдела рукописей Музея Большого театра, в нем рассеян личный архив Самосуда. В каталоге то и дело попадаются письма Самосуду от певцов и музыкантов Большого театра, остался здесь и автограф автобиографии дирижера. Сохранился и договор, раскрывающий детали подготовки известного концертного исполнения «Войны и мира» в Большом зале консерватории.

---

¹⁸ Напомним: *Шлифштейн Семён Исаакович* (1903–1975) — советский музыковед, консультант по вопросам музыки во Всесоюзном Комитете по делам искусств при СНК СССР (1940–1944).

¹⁹ Письмо напечатано на машинке. Постскриптум написан Прокофьевым от руки. Музей Большого театра. Р - 2665.

²⁰ Музей Большого театра. Имеется в виду Филиал Большого театра (сейчас в этом здании расположен Московский театр оперетты).

«Настоящий заключен между Московской государственной Филармонией в лице Директора Моск.[овской] Гос. Филармонии, заслуженным деятелем искусств В.А.Власовым, именуемого в дальнейшем “Филармония” и Народным артистом Союза СССР С.А. Самосудом, — в нижеследующем:

1. Филармония поручает т. С.А. Самосуду постановку оперы Прокофьева “Война и мир” в концертном исполнении. С.А. Самосуд принимает на себя обязанности художественного руководителя и дирижера постановки.

2. Для осуществления указанной работы, Филармония предоставляет Государственный симфонический оркестр Союза ССР, Республиканскую Хоровую Капеллу и исполнителей сольных партий из состава артистов ГАБТ’а, театра и студии им. Станиславского, Ансамбля оперы ВТО и Московской Филармонии, причем, персональный состав солистов и распределение между ними партий устанавливает С.А.Самосуд по согласованию с Филармонией.

3. С.А.Самосуд принимает на себя подготовку 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10 и 11 картин оперы.

Примечание: Количество картин оперы, которые будут показаны в концертном исполнении и возможные купюры устанавливаются после Генеральной репетиции по согласованию Филармонии, композитора С.Прокофьева и С.А.Самосуда.

4. Количество ансамблевых и оркестровых репетиций устанавливает С.А. Самосуд. Филармония обеспечивает необходимое количество концертмейстеров для прохождений партий солистами и подготовки их к ансамблевым и оркестровым репетициям в сроки, по указанию С.А. Самосуда.

5. Вся работа должна быть закончена и опера подготовлена к открытому показу в третьей декаде мая месяца 1945 г.

Примечание: В случае показа оперы позже или ранее намеченного срока, гонорар С.А. Самосуда изменению не подлежит.

6. За всю подготовительную работу Филармония уплачивает С.А. Самосуду 30.000 руб. (тридцать тысяч руб.), из коих 25% при подписании договора и остальную сумму после 1-го исполнения оперы.

7. Оплата дирижерской работы С.А.Самосуда Филармония производит по ставке, специально установленной ГУМУ за каждое исполнение оперы “Война и мир”.

Юридические адреса сторон
Филармония – пл. Маяковского, 20.

Самосуд —

Подписи сторон:

Директор Моск. Гос. Филармонии

Заслуженный деятель искусств В.А. Власов

Народный артист союза ССР С.А. Самосуд»²¹.

---

²¹ Музей Большого театра. Р – 2666.

Надо понимать, что подготовка исполнения «Войны и мира», потребовавшая таких колоссальных усилий, проходила в условиях еще продолжающейся Второй мировой войны. Но исполнения состоялись, как и планировалось, 7, 9 и 11 июня 1945 года, ознаменовав триумф советского народа в Великой Отечественной войне.

А уже в июле Прокофьев пишет Самосуду полушутливое, полуделовое письмо. По его тексту (первая фраза при публикации в книге, посвященной памяти Самосуда, 1984 года была купирована) становится ясно, что фактически сразу после премьеры Прокофьев, сильно болевший перед этим, уехал поправлять свое здоровье в Дом творчества композиторов «Иваново».

Приведем это письмо, написанное на именном почтовом листе, полностью:

Прокофьев Сергей Сергеевич.
Москва, Можайское шоссе, д. 11/13, кв. 210.

Тел. К 5-10-20, доб. 35

Иваново областной, 5.
Совхоз 69

«Дорогой Самуил Абрамович,

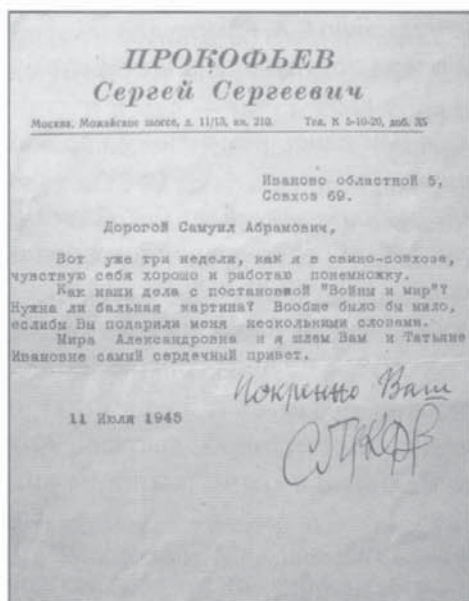
Вот уже три недели, как я в свиносовхозе, чувствую себя хорошо и работаю понемножку.

Как наши дела с постановкой «Войны и мир»? Нужна ли балльная картина? Вообще было бы мило, если бы Вы подарили меня несколькими словами.

Мира Александровна и я шлем Вам и Татьяне Ивановне²² самый сердечный привет.

Искренне Ваш С ПРКФВ»²³.

11 июля 1945.

Письмо С.С. Прокофьева С.А. Самосуду на именном бланке от 11.07.1945. Музей Большого театра. Авторизованная машинопись

²² Самосуд (урожденная Орлова) Татьяна Ивановна (1902–1988) — жена С.А. Самосуда.

²³ Музей Большого театра. Р – 2666.

В 1947 году Самосуд получил Сталинскую премию 1-й степени за постановку первой части «Войны и мира» в Малом оперном театре в Ленинграде. Известно, как композитор надеялся увидеть финальную версию оперы, как безропотно вносил все новые и новые правки, делал сокращенную версию, только бы его детище прозвучало со сцены. Самосуд был confidentом Прокофьева в этой истории, о чем свидетельствует письмо ниже.

Николина Гора, 27 сентября 1952

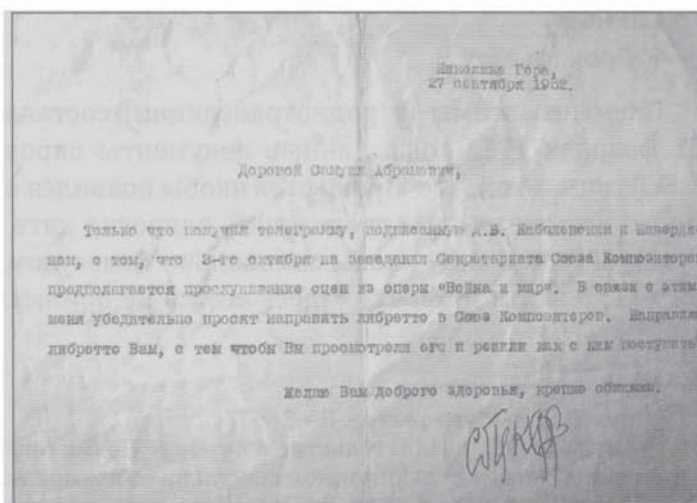
«Дорогой Самуил Абрамович,

Только что получил телеграмму, подписанную Д. Кабалевским и Шавердяном, о том, что 3-го октября на заседании Секретариата Союза композиторов предполагается прослушивание сцен из оперы «Война и мир». В связи с этим меня убедительно просят направить либретто в Союз композиторов. Направляю либретто Вам, с тем, чтобы Вы просмотрели его и решили, как с ним поступить.

Желаю Вам доброго здоровья, крепко обнимаю,
СПРКФВ»²⁴.

Есть в корпусе прокофьевских документов в Музее Большого театра два письма, датированные одним числом — 20 февраля 1952 года, и касающиеся исполнительских указаний Праздничной поэмы «Встреча Волги с Доном» для симфонического оркестра ор. 130 (1950). Как известно, в сочинении, созданном в связи с торжествами в честь завершения строительства Волго-Донского канала, существуют купюры, в частности, в связи с излишней экспрессивностью звучания: композитор якобы увлекся

*Письмо С.С. Прокофьева
С.А. Самосуду
от 27.09.1952.
Музей Большого театра.
Авторизованная
машинопись*

²⁴ Музей Большого театра. Р – 2669.

иллюстративными подробностями и попытался изобразить шум, производимый шагающим экскаватором. Развернулась критическая дискуссия, результатом которой и стали два нижеследующих письма.

Это машинописное письмо Самосуду (рукой Прокофьева начертана только подпись), где даются подробные разъяснения о купюрах и темпах:

«Первая купюра: начиная с четвертой четверти четвертого такта после [25] до второго с половиной такта включительно после [26]. В третьем такте после [26] надо купировать первую половину, сделав таким образом из двухчетвертного такта одноквартной.

Вторая купюра: от [27] до восьмого такта включительно после [27].

Относительно темпов: 1) Очень прошу Вас играть самое начало немножко шире; 2) начало разработки (цифра 16) в таком же темпе, как начало Поэмы; 3) [цифра] 28 тоже немного живее; 5) просьба к трубам — в начале и в соответствующих местах играть менее резко.

Обнимаю Вас

Ваш Прокофьев»²⁵.

20 февраля 1952

«В нотную библиотеку Комитета Радиоинформации

Прошу внести в оркестровые партии моей Поэмы для симфонического оркестра (“Встреча Волги с Доном”) следующие купюры:

Первая купюра: начиная с четвертой четверти четвертого такта после [25] до второго с половиной такта включительно после [26]. В третьем такте после [26] надо купировать первую половину, сделав таким образом из двухчетвертного такта одноквартной.

Вторая купюра: от [27] до восьмого такта включительно после [27].

СПРКФВ

С. Прокофьев»^{26, 27}.

Премьера поэмы (в радиотрансляции) состоялась спустя два дня — 22 февраля 1952 года. Данные документы опровергают воспоминания К.Б. Птицы о том, что Прокофьев якобы появился в Доме звукозаписи уже много позже записи и трансляций, попросил дать прослушать вариант с купюрой, сделанной якобы самовольно Самосудом, и высказался неодобрительно в том духе, что «здесь всегда не понимали современной музыки»²⁸.

---

²⁵ Музей Большого театра. Р - 2667.

²⁶ Тем не менее в Издательстве «Музыка» Поэма опубликована без авторской купюры и даже без редакционной сноски на ее возможность.

²⁷ Музей Большого театра. Р - 2668.

²⁸ Цит. по: *Птица К.Б. Незабываемые премьеры // О музыке и музыкантах.* — М., 1995. — С. 179.

В воспоминаниях Птицы присутствуют несколько строк о похоронах Прокофьева: «...все было скромно, тихо, как-то в полголоса. В фойе встретился с Самосудом. Внешне он подтянут и деловит. Только бледность лица и отсутствующие глаза говорили о необычном состоянии. Казалось мне, что думает он о том, что никогда уже не будет играть “нового” Прокофьева и что ему, Самосуду, уже много-много лет»²⁹.

Сразу после смерти Прокофьева Самосуд осуществил записи Первой, Пятой и Седьмой симфоний, неоднократно исполнял по Радио в трансляционных концертах фрагменты из «Войны и мира», фрагменты из кантаты «Александр Невский». Его диалог с Прокофьевым продолжался...

---

²⁹ Там же. С. 182.